

СКАЗКА ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЁК (ПРЕДИСЛОВИЕ К ФИЛОСОФИИ СКАЗКИ)

Словосочетание "философия сказки" не может не вызвать улыбки. Однако философия есть взгляд на мир из глубины сознания, и зрелое философское размышление над этой вполне естественной, но всё же поверхностной реакцией рождает отнюдь не тривиальное подозрение. Не скрыта ли здесь блестящая маскировка? Мудрость надевает маску и остаётся незамеченной, чтобы действовать мягко и ненавязчиво, задевая самые нежные струны заповедной области человеческой души. Действовать, то есть сохранять в чередующихся поколениях "чувства добрые", пробуждать их вновь и вновь, передавая какие-то важные культурные коды через очарование старинных напевов и древних поверий.

Для начала следует разобраться в сплетении близких слов: сказка, сказание, поверье, миф. Словарь Брокгауза и Ефрона предлагает следующее определение: "Сказки – это словесные произведения повествовательного характера, почти исключительно прозаические, созданные иногда в видах развлечения, иногда с целью дидактической, но большею частью без всякой цели, как естественное выражение словесной или литературной потребности". Таким образом, сказка относится к миру искусства (точнее, народной литературы); как и у всякого художественного произведения, исключительную важность в сказке имеет форма. Это понятно: сказки – это первые книги, они исключительно важны в период становления сознания и вполне могут быть названы первыми учителями. Однако искусство – один из тончайших способов познания и понимания мира, и тут нельзя не отметить близость сказки к коллективным религиозным (или проторелигиозным) трепетным переживаниям – поверьям, и к возвышенным способам развития индивидуально-сакрального – сказаниям.

Философию мифа можно рассматривать как философскую рефлексию архаических предпосылок философствования. Слово "mythos" передаётся на русский язык длинным синонимическим рядом, который открывается словом "сказание". Это сказание, которое вовлекает слушателя в свой ход и превращает его в соучастника событий; для древних народов миф был не отвлечённым рассказом, а тем, чем живут. В отечественной гуманитарной культуре сложилось уважительное отношение к мифу как к древнейшему из известных способов преодоления противоречивости человеческого бытия (Я.Голосовкер, М.Лифшиц и др.). Современная научная методология стоит на фундаменте архаических достижений: заслуга мифологического мышления в том, что оно создало изощрённое искусство интерпретации, отшлифовавшее и заострившее интеллектуальные возможности человека.

Важно отметить ещё одну интеллектуальную составляющую мифа. Миф представляет собой мысленное моделирование мира посредством образов. Поэтому спутницу мифа – сказку можно рассматривать как увлекательную и доходчивую модель, сотканную из повседневных образцов ("паттернов"), которые становятся многозначными символами. Очень хороший материал дают сказки о животных. Животные воплощают характеры, страсти, духовные силы. Так, рассказы о похождениях волка и лисы (характерные для русского фольклора) наводят на остроумные мысли о соотношении упрямой агрессии и хитрого "дирижирования", об истинном месте в жизни грубой физической силы, о злом и добром разуме. "Человеческое, слишком человеческое" в этих сказках разыгрывается актёрами в звериных масках. Понятно, что басни Эзопа, Лафонтена, Крылова питаются традицией, уходящей корнями в непроглядную даль времён.

Невероятно интересен мир волшебной сказки. Сразу бросается в глаза расширение в них границ реальности, появление какого-то иного измерения мира. Герои входят в

потусторонний мир и возвращаются оттуда. Мы встречаем и волшебные метаморфозы, и чудесные рождения (от выпитой воды), и смерть, заключённая в цветке, яблоке или яйце... Очевидно, что сказка резко противостоит позициям наивного реализма, согласно которому действительность совпадает с её чувственно воспринимаемым образом (мир таков, каким мы его видим). Но ведь и научное мировоззрение расходится с таким примитивно-самоуверенным взглядом; наука обращается к скрытой основе мира. Конечно, научное мировоззрение рационально, а образное мышление неточно, "диффузно"; и всё же не случайно немецкий философ Э.Блох говорил об антиципации (предвосхищении) в древнейших сказках современных технических средств. Образ ковра-самолёта властно тянул человечество к изобретению аэроплана; как знать, может быть и "конь-огонь" Иванушки намекает на что-то близкое к телепортации...

Примером сокровенной, загадочной мудрости выступает "Сказка о царевне-лягушке". Сказка хорошо известна, по ней поставлен целый ряд мультфильмов, но она по-прежнему привлекает своей вызывающей эзотеричностью. Известно, что миф носит провокативный характер, разделяя слушателей на "профанов" и "посвящённых" (тех, кому дано понять). Диапазон сказки потрясает: сакральный образ стрелы, направленной в неизвестность, сочетается с предельным гротеском, абсурдом (лягушка в качестве невесты). Здесь намечаются темы классической литературы – верность призванию, мужественное противостояние социуму. Возникает важнейшая антропологическая оппозиция: несовершенная форма – красота чувства. Следует отметить, что в сказках женские персонажи играют особую роль, они как бы вбирают в себя мечту о человеческом совершенстве. Драматическая сюжетная коллизия связана с тяжестью обладания тайной, стремлением избавиться от неё (сразу вспоминается Чехов: тайна и живая кровь несовместимы). Герой сжигает лягушачью шкуру, и теряет свою заветную, таинственную подругу. Опять из ткани фольклорного повествования проступает сюжет глубочайшей серьёзности: нетерпение сердца разрушает попытки снять заклятье, выйти из железных ворот земного ада (вспомним: Орфей обернулся, и Эвридика исчезла). Герой отправляется в путь за трепетной тенью, его ведёт ускользящая надежда; получается удивительный сплав из священной темы судьбы, абсурда, лирики и героики.

Сказки издревле запечатлевали моральную интуицию народа. В них постоянно повторяется тема воздаяния за самые незаметные проявления добра: добро неуничтожимо, и оно рождает новое добро, неожиданное и сильное. Более того, моральный поступок имеет благотворную освобождающую силу: человек возвращается к самому себе и становится хозяином своей судьбы. Можно сказать, что сказки предостерегают от безрассудности и самодурства, напоминают, что нравственность неотделима от жизни (как сказал бы Пушкин, "в природе вещей"). Однако сказка не говорит, как должно поступать, а как нет, в ней предоставляется возможность задуматься и сделать осознанный выбор на основе законов добра, любви, справедливости, по которым должен жить человек. Это значит, что сказка апеллирует к свободному решению, к свободному поступку. Это значит, что сказка пробуждает в человеке нравственное отношение к действительности, которое является сердцевинной субъективности или метафизически осмысленной человечности.

Итак, изучение многообразия сказок, прикосновение к их тысячелетней жизненной сокровищнице не должно ограничиваться фольклорно-этнографическими комментариями. Сказки с детства входят в жизненный мир человека, и философия уже в силу своей природы не может остаться в стороне от исследования удивительного феномена: рождения будущего из глубины сказки.